

Персонажи-самодуры А. Н. Островского в свете первичных речевых жанров

Ольга Евгеньевна Белова, Ивановский государственный университет (Россия, Иваново),
zhut1989@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611724020071

АННОТАЦИЯ: В данной статье теория речевых жанров М. М. Бахтина, развитая А. Д. Степановым, применяется для анализа творчества А. Н. Островского. В частности, через призму первичных речевых жанров рассматриваются персонажи-самодуры. По мнению автора, для подобных персонажей характерен совершенно определенный и устойчивый набор первичных речевых жанров. Среди них преобладают императивные речевые жанры, связанные с воздействием на волю другого человека, а именно приказ, требование, угроза. Дается краткая характеристика каждого из этих жанров, из которой становится ясно, что персонажи-самодуры пользуются ими для навязывания собеседникам собственных прихотей. Данный вывод подтверждается приводимыми автором примерами (поведение Брускова, Ахова, Каркунова). Также самодуры прибегают к дидактическим речевым жанрам, что преимущественно демонстрирует их мнение о себе как о «сведущих» (подобное отличает, например, Кабаниху). При этом для самодуров также характерно использование речевого жанра жалобы, что открывает слабость их натуры, потерю сил при встрече с сопротивлением (на примере Большова, Ахова). По итогам исследования сделан вывод о широких возможностях применения теории речевых жанров при изучении творчества Островского.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: речевой жанр, самодур, приказ, требование, угроза, жалоба

для цитирования: Белова О. Е. Персонажи-самодуры А. Н. Островского в свете первичных речевых жанров // Русская речь. 2024. № 2. С. 90–97. DOI: 10.31857/S0131611724020071.

The Language of Fiction

Tyrannical Characters by A. N. Ostrovsky in View of the Primary Speech Genres

Ol'ga E. Belova, Ivanovo State University (Russia, Ivanovo), zhut1989@mail.ru

ABSTRACT: The author of this article applies the theory of speech genres of M. M. Bakhtin, developed by A. D. Stepanov, to analyze the plays of A. N. Ostrovsky. In particular, she considers the tyrannical characters through the prism of primary speech genres. According to the author's point of view, a completely definite and stable set of primary speech genres defines such characters. There prevail imperative speech genres, which are associated with influencing the will of another person, namely, an order, a demand or a threat. The article briefly describes each of these genres showing that they are used by the tyrannical characters to impose their own whims on the interlocutors. The author confirms this conclusion by the examples (the behavior of Bruskov, Akhov, Karkunov). What is more, the tyrannical characters resort to didactic speech genres, which mainly demonstrates their opinion of themselves as "knowledgeable" (this distinguishes, for example, Kabanikha). At the same time, the tyrannical characters often use the speech genre of complain, which shows the weakness of their nature and lack of strength when facing resistance (for example, Bolshov, Akhov). The author makes a conclusion that there are wide possibilities of applying the theory of speech genres in the study of Ostrovsky's plays.

KEYWORDS: speech genre, tyrannical characters, order, demand, threat, complaint

FOR CITATION: Belova O. E. Tyrannical Characters by A. N. Ostrovsky in View of the Primary Speech Genres. *Russian Speech* = *Russkaya Rech'*. 2024. No. 2. Pp. 90–97. DOI: 10.31857/S0131611724020071.

Специалистами, изучающими творчество А. Н. Островского, собран обширный материал, отражающий речевое мастерство драматурга, его владение словом. Искусное использование слова проявилось, кроме прочего, в сложном комбинировании в произведениях драматурга нескольких речевых жанров.

М. М. Бахтин определял речевые жанры как «относительно устойчивые типы высказывания, вырабатываемые той или иной сферой использования языка» [Бахтин 1986: 250]. Также он предложил классификацию всех речевых жанров на первичные (простые) и вторичные (сложные). Первичные жанры, в соответствии с его классификацией, формируются в непосредственном речевом общении, а вторичные — «в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного)». В контексте художественного произведения первичные жанры «утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям», подчиняются законам этого контекста [Бахтин 1986: 252].

В течение длительного времени первичные речевые жанры исследовались лингвистами, описавшими многие их конкретные формы и заложившими основы их классификации. С появлением работы А. Д. Степанова «Проблемы коммуникации у Чехова» (М., 2005) идея М. М. Бахтина относительно первичных речевых жанров была возвращена в литературоведение с учетом достижений лингвистов. Теоретическую основу для изучения первичных жанров в литературном произведении, созданную А. Д. Степановым, можно использовать и по отношению к творчеству Островского.

Изучать данный вопрос можно с различных сторон, в частности выявить диапазон первичных речевых жанров в пьесах Островского, выделить наиболее репрезентативные речевые жанры, характеризующие индивидуальность Островского, раскрыть элементы картины мира Островского, отраженные через результаты общения героев, и тому подобное. Например, используемые речевые жанры ярко характеризуют группу персонажей, которую исследователи вслед за автором определяют как «самодуров».

Для начала стоит уточнить, что понимать под подобным определением. Островский в комедии «В чужом пиру похмелье» ввел в литературу понятие «самодура», подразумевающее «дикого, властного» человека, деспота, попирающего волю и человеческое достоинство окружающих [Холодов 1963: 133]. Затем Н. А. Добролюбов ввел термин «самодурство», обозначающий общественное явление, распространенное в «темном царстве». По уточнению, внесенному Чернышевским, характерным проявлением самодурства является то, что люди руководствуются в своих действиях «только прихотями добрыми или дурными». Правда, Добролюбов определял как самодуров не только персонажей, показавших себя деспотами (Большов в комедии «Свои люди — сочтемся!», Брусков в пьесах «В чужом пиру похмелье» и «Тяжелые дни», Гордей Торцов в комедии «Бедность не порок») и вполне соответствующих характеристике Чернышевского, но даже Русакова из комедии «Не в свои сани не садись», про которого отнюдь нельзя сказать, что он руководствуется прихотями. Зато это можно сказать о некоторых персонажах из более поздних пьес Островского: например, Мавре Барабошевой («Правда — хорошо, а счастье лучше»), Ахове («Не все коту масленица»), Каркунове («Сердце не камень»).

А. И. Журавлева подчеркивает, что в самодурстве выражается искажение родительского авторитета [Журавлева 1981: 90]. Каждый из персонажей-самодуров несет в себе искаженный патриархальный идеал, воплощение злоупотребления властью и авторитетом.

При этом, если анализировать пьесы Островского в свете первичных речевых жанров, можно заметить, что для персонажей-самодуров характерен довольно устойчивый набор таковых.

Например, часто персонажи-самодуры прибегают к жанру приказа. Это (в соответствии с характеристикой А. Д. Степанова) один из доминирующих императивных речевых жанров, то есть жанров, «вызывающих осуществление или неосуществление событий, необходимых, желательных, опасных для кого-то из участников общения» [Степанов 2005: 189]. Жанр приказа отличается такими особенностями, как приоритет говорящего, его власть, основанная на авторитете (возраста и положения), категоричность, краткость, часто отсутствие объяснения причин и мотивов. За невыполнение приказа может следовать наказание. Вежливость не должна отличать приказ, поскольку необходимость, чтобы адресат выполнил волю адресанта, представляется априорной. К приказу обычно прибегают в официально-деловом общении, если же его используют в иных сферах — например, семейной — это может демонстрировать грубые претензии адресанта на превосходство вкупе с недовольством адресатом [Карандеева 2006: 11].

Все это можно отнести к персонажам-самодурам: возраст и материальное положение, по их мнению, которое окружающие не слишком оспаривают, дает им право повелевать, требовать исполнения своей воли — что и способствует развитию в этих персонажах своеволия, самодурства. Можно даже утверждать, что сама возможность приказывать в пьесах Островского становится условием формирования персонажей-самодуров. Сначала приказ покидает рамки делового общения, затрагивая частную жизнь подчиненного, а то и его внешний вид (как в диалогах Гордея Торцова с Митей); затем персонаж навязывает свои прихоти другим людям относительно их личной жизни и поведения (так поступают Большов, навязывающий дочери жениха, Ахов, прогоняющий Ипполита от Агии, и Брусков, вплоть до реплики Брускова «Не дыши!», обращенной к сыну). В конце концов приказы самодура становятся аморальными, алогичными, противозаконными: таков приказ Брускова Захару Захарычу написать клеветническую жалобу на Ивановых.

Также самодуры активно используют речевой жанр требования. Он близок приказу, но имеет некоторые отличия. В частности, требование, как и приказ, выражается в категоричной форме побуждения к действию, однако в основе требования лежит предположение о том, что адресат не стремится выполнять казулируемое действие. Это предположение порождается тем, что адресант требования может и не обладать властью, а следовательно, приоритетом перед адресатом [Карандеева 2006: 10].

Различить приказ и неправомерные требования персонажей-самодуров зачастую непросто, так как они уверены в своей власти, а следовательно, в праве диктовать окружающим свою волю. Тем не менее порой и в их речи сквозит опасение по поводу того, что их воля не будет выполнена, поэтому ее изъятию сопутствуют раздражение, угрозы и т. п. Волеизъявление, выраженное подобным образом, можно с уверенностью отнести именно к требованиям.

Например, желания Каркунова («Сердце не камень»), чтобы после его смерти Вера Филипповна до конца жизни оставалась вдовой, можно отнести именно к требованиям по двум причинам. Во-первых, его сопровождает завуалированная угроза лишить Веру Филипповну наследства, а в финале — уже прямая угроза убить. Во-вторых, Каркунов осознает, что жена вряд ли захочет исполнять его волю. «Заморил я ее, всю жизнь загубил...» [Островский, т. 8: 246]. В том же уверены и близкие их семье люди: «Она образ-то, на котором божилась, повернет к стене либо вовсе из комнаты вынесет, чтобы свидетелей не было, да и сделает, что хочет» [Островский, т. 8: 241].

Требования, выдвигаемые персонажами-самодурами, также имеют еще одну особенность: они неправомерны, не основаны ни на данном

заранее обещании, ни на здоровой логике или моральных нормах. Именно такие требования выдвигают Ахов, Гордей Торцов, Брусков, Каркунов, а также, например, Курослепов («Горячее сердце»), который требует поймать непокорную дочь и «провести через город на веревке».

Требования и приказы самодуры часто сопровождают угрозами. Этот речевой жанр много близок речевому жанру обещания. Адресант, как и в случае с обещанием, обязуется что-то сделать по отношению к адресату ради наступления желательных для него (адресанта) последствий. Однако если в случае обещания адресант обязуется сделать что-либо приятное для адресата, то в случае угрозы — причинить ему прямо или косвенно вред. Так, Большов угрожает отдать дочь за дворника, Брусков — сдать сына в солдаты, Ахов — выволочь Ипполита от Кругловых за волосы. Если первая и третья угроза звучат достаточно реалистично, то вторая уже вызывает сомнения в выполнимости. Однако Брускова это не останавливает: кажется, он абсолютно уверен в своей власти.

Порой самодуры прибегают и к дидактическим речевым жанрам. Дидактические речевые жанры ученые определяют как родственные императивным, но не обладающие основным признаком последних — побуждением к прямому действию (например, наказ, поучение, заповедь). Адресант дидактических речевых жанров лишь указывает адресату на модель поведения, представляющуюся наиболее разумной и правильной. То, что персонаж прибегает к дидактическим речевым жанрам, означает, что он или обладает большим жизненным опытом, или считает себя таковым — и присваивает право более или менее добросовестно влиять на чужую судьбу.

Это характерно, например, для Кабанихи, для Ахова. И если Кабаниха хотя бы убеждена, что действует во благо («Ничего-то не знают, никакого порядка. Проститься-то как следует не умеют») [Островский, т. 2: 234], то Ахов откровенно глумится над чужой бедностью, упиваясь властью. «Богатый человек, ну, гордись, превозносись собой; а твое дело, Федосевна, только кланяться. Всем кланяться и за все кланяться, что-нибудь и выкланяешь, да и глядеть-то на тебя всякому приятнее. <...> Ты сирота и дочь твоя сирота; кто вас призрит, ну и благодетель, и отец родной, ну, и кланяться тому в ноги» [Островский, т. 6: 122].

Обратную сторону самодуров показывает еще один речевой жанр, к которому они прибегают, — жалоба. Жалоба относится к экспрессивным речевым жанрам, то есть служащим для выражения эмоций адресанта, и в определенном плане демонстрирует его слабость, бессилие. К жалобе часто прибегают в творчестве Островского персонажи, являющиеся как раз жертвами «темного царства» (от Липочки до Андрея Брускова). Однако к тому же жанру прибегают их мучители в случае краха или грозящей его опасности.

В жалобах Большова еще слышатся и угрызения совести, осознание заслуженного наказания. «Вы подумайте только, каково по Ильинке-то идти. Это все равно что грешную душу дьяволы, прости Господи, по мытарствам тащат. А там мимо Иверской: как мне взглянуть-то на нее, на матушку?» [Островский, т. 1: 89]. Ахов же откровенно возмущен «несправедливостью» судьбы: «Ведь я почетный, первостатейный, ведь мне все в пояс кланяются; а в этакой лачуге мне почету нет! Мне!! От вас!! Непокорность!! Курам насмех! <...> Как мне теперь людям глаза показать? Что обо мне добрые люди скажут?.. <...> Как жить? Как жить? Родства народ не уважает, богатству грубить смеет! <...> Отчего вы не лежите теперь в ногах у меня по-старому; а я же стою перед вами весь обруганный, без всякой моей вины?» [Островский, т. 6: 146]. Но в том и другом случаях жалоба демонстрирует, что самодуры на проверку оказываются слабыми людьми, способными «куражиться» лишь в спокойной обстановке, не теряющимися, если встретят сопротивление.

Таким образом, характерное для самодуров сочетание в речи приказов на бытовом уровне, неправомерных требований, угроз, дидактических жанров вроде поучения и одновременно жалоб со всей полнотой демонстрирует особенности натуры каждого из них: злоупотребление властью, уверенность в своей правоте, желание добиться своего любой ценой и одновременно слабость.

Подводя итоги, можно сказать, что изучение первичных речевых жанров в творчестве Островского открывает для исследований его творчества новые горизонты.

Источники

Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.: ГИХЛ, 1949–1951.

Литература

- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
- Журавлева А. И. Островский-комедиограф. М.: Издательство Московского университета, 1981. 216 с.
- Карандеева Л. Г. Ситуативно обусловленная вариативность просодических характеристик директивных иллокутивов (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2006. 20 с.

Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.

Холодов Е. Г. Мастерство Островского. М.: Искусство, 1963. 542 с.

Шмелева Т. В. Модель речевых жанров // Жанры речи. Вып. 1. Саратов, 1997. С. 88–98.

References

Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p.

Holodov E. G. *Masterstvo Ostrovskogo* [Ostrovsky's skill]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1963. 542 p.

Karandeeva L. G. *Situativno obuslovlennaya variativnost' prosodicheskikh kharakteristik direktivnykh illokutivov (experimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Situationally determined variability of prosodic characteristics of directive illocutives (experimental phonetic study based on the material of modern German): Dr. philol. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2006. 20 p.

Shmeleva T. V. [Model of speech genres]. *Zhanry rechi*, 1997, no. 1, pp. 88–98. (In Russ.)

Stepanov A. D. *Problemy kommunikatsii u Chekhova* [Chekhov's communication problems]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2005. 400 p.

Zhuravleva A. I. *Ostrovskii-komediograf* [Ostrovsky-comediographer]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 1981. 216 p.